

Андрей Посняков

ДОВМОНТ

НЕИСТОВЫЙ
КНЯЗЬ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-445
П62

Серия «Историческая фантастика»

Выпуск 2

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Посняков, Андрей Анатольевич

П62 Довмонт: Неистовый князь: роман / Андрей
Посняков. — Москва: Издательство АСТ; Изда-
тельский дом «Ленинград», 2018. — 384 с. (Исто-
рическая фантастика).

ISBN 978-5-17-106440-2

Дуй, ветер! Шумите, деревья! — под это языческое заклятье языческие жрецы бога Пикуюлиса, повелителя смерти, приносят своему господину кровавые жертвы! На этом черном алтаре оказался и Игорь Ранчис, молодой аспирант из Санкт-Петербурга, явившийся в Литву, чтобы избавить свою семью от древнего родового проклятья, наложенного еще в тринадцатом веке первым литовским королем Миндовгом. Молодой человек отправился в Литву, взяв с собой любимую девушку...

И под гул языческих барабанов душа Игоря вселилась в тело его далекого предка, литовского кунигаса Довмонта, язычника, правителя, воина... и будущего псковского князя. Думать некогда — нужно защищать свою землю от многочисленных врагов, и в первую очередь — от рыцарей Тевтонского ордена. Не дремлют и родственники, прикидывающиеся друзьями, алчными глазами смотря на власть и языческие жрецы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-445

ISBN 978-5-17-106440-2

© Андрей Посняков, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ГЛАВА 1

«АНКТ-ПЕТЕРБУРГ – ЛИТВА»

— **П**уй, ветер!
— Шумите, деревья!
— Радуйся, лес!

Били в ладоши жрецы. Извивались в мрачном танце юные девственницы-жрицы. Ухмылялся крепкий косматый старик с морщинистым темным лицом. Кругом горели костры, и тухлый запах смерти стелился над поляной и рекой, над орешником и старой ольхою, над всей пущей.

Девушки-жрицы упали на колени. Упали, изогнулись и застонали, славя жестоких древних богов.

В руках старика сверкнул изогнутый нож!

Перед ним, на жертвеннике, лежала распятая нагая дева. Юная красавица с синим взором и нежным, побледневшим от неопишемого ужаса личиком. Теплые светло-русые локоны, тонкая белая кожа, упругая, трепетно вздымающаяся грудь.

— Дуй, ветер!
— Шумите, деревья!
— Радуйся, лес!

Девушки-жрицы стонали все громче и громче! Били в ладоши молодые жрецы.

— Радуйся, лес! Радуйся, Пикуолис, властелин подземных чертогов и падших душ! Прими нашу жертву... Прими! Прими!

Изогнувшись в каком-то бесовском танце, старик вдруг сплюнул желтоватой пеной и, подскочив к девушке, со смаком вонзил нож ей в живот.

* * *

Какой вид открывался с обрыва! Невероятно красивый, захватывающий, волшебный, он манил вдаль, открывая взгляду аквамариново-синий простор озера, не очень широкого, но длинного, словно река. На противоположном берегу сразу же начинался лес: густой, смешанный — с вековыми елями, сумрачными осинами и небольшими вкраплениями белоствольных березок на опушках. Лес казался разным.

Вблизи, у самой воды — густо-зеленый, чуть подалее — желтоватый, а совсем далеко — пропадающий в туманной голубой дымке. Стоял июнь, и все вокруг утопало в медвяном многоцветье только раскрывшегося лета, залитого солнечным светом, таким ярким, что больно было в глазах.

На самой вершине обрыва — высокого, метров восемь — упрямо цеплялась за песчаную почву сосна. Кривые ветви ее напоминали разметавшиеся в каком-то жутком кошмаре руки, а серые корни — омерзительных змей, неведомо как вгрызшихся в землю. Или даже, скорей, они походили на серые пальцы полусгнившего, вылезшего из могилы трупа. Крепкие — не разожмешь, — эти корни-змеи поддерживали осыпающийся берег, и хотя сосна опасно кренилась к воде, выглядела она вполне устойчиво и, наверное, в чем-то красиво. Прямо под обрывом, внизу, у самой воды, торчали серые камни, судя по разбросанным вокруг щепкам, послужившие причиной гибели не одной местной лодки.

Однако сейчас озеро было спокойным. Волны почти не бились о берег, лишь иногда налетавшие вдруг легкие порывы ветра раскачивали ветки сосны да гнали по воде мелкую рябь.

— Нет, потрясное селфи будет! Говорю же, ага.

Девушка в узеньких рваных джинсах и кедах, в наброшенной поверх короткой маечки куртке, подбежала к сосне, встала на корнях на самом краю обрыва, вытащила из кармана айфон...

— Нет, правда, круто!

Невероятно красивая, юная, стройненькая, словно молодая березка, девушка, казалось, сошла прямо со страниц какого-нибудь глянцевого журнала. Несомненно, красавица привлекала внимание еще и нежными чертами лица, светлой, тонкой кожей и невероятно ясным взглядом больших серовато-голубых глаз.

Сделав пару снимков, она помахала рукой тем, что стояли невдалеке от обрыва. Трое парней и девушка — такая же красивая, тоненькая, голубоглазая, только волосы посветлей. Но все та же аристократическая изысканность, все та же светлая кожа, чуть тронутая первым летним загаром. Эта выглядела чуть помладше, но похожа на первую — очень! Скорее, это были родные сестры, да.

— Ну что ж, сестричка? Иди же сюда. А вы нас сфотографируйте, парни.

— Ага.

Ожидая сестру, красавица чуть подвинулась, освобождая место... и в этот момент под ногами ее, прямо из-под корней, показалась отвратительная скользкая лента! Раздвоенный язык, холодные немигающие глаза, черная блестящая кожа...

Змея! Ядовитая склизкая гадина.

— Лаума-а!

Заметив опасность, девчонка испуганно дернулась. Серо-голубые глаза ее округлились, кеды соскользнули с корней...

— Ай!

Ухватиться покрепче за ветку... вот так... так... Хорошо! Было бы... Только ветка, увы, оказалась непрочной. Послышался противный треск, и юная красавица, не удержавшись, полетела вниз, прямо на камни.

— Лаума-а-а!

Не обращая внимания на змею, младшая сестренка упавшей подбежала к самому краю обрыва,глянула... и, всхлипнув, растеряннo обернулась:

— Она... там... лежит... Надо бежать! Помочь!

— Да, да, бежим, Лайма.

Быстро оббежав обрыв, парни с девчонкой выбрались к озеру, к серым камням... Лаума лежала, раскинув руки, не шевелясь. В мертвых, широко раскрытых глазах ее отражалось высокое июньское небо. Все вокруг было заляпано кровью.

— Лаума-а, сестричка... — Лайма бросилась погибшей на грудь и, тут же отпрянув, в отчаянье закричала: — Не-е-ет!

* * *

«...в это же время король литовский Миндовг был убит одним знатным литовцем, хотевшим завладеть королевством. Но сын короля, находившийся у русских и услышавший об убийстве отца, возвратился в Литву, чтобы отомстить за убийство отца. Всех христиан, которых он нашел пленными в своем государстве, он милостиво отправил назад в Ригу, к магистру. Но затем он дался в обман литовцам, составил с ними заговор и послал в том же году войско в Вик и Пернов и опустошил эти области в Сретение Господне. А неделю спустя...»

— Игорь! Да очнись же. Оторвись, наконец, от своих хроник.

Сидевший на лавочке молодой человек в светлом сером костюме и дорогих модных туфлях оторвал взгляд от ридера и улыбнулся:

— Рад тебя видеть, Олик!

— И я рада, что ты рад. Как ваши аспирантские труды? Вижу, и тут не дают покоя.

Стройная девушка лет двадцати в синих коротких шортиках и накинутаой поверх надетой футболки кофте уселась на скамеечку рядом. Молодые люди поцеловались, и поцелуй вышел куда более долгим и жарким, нежели требовали бы приличия, из чего любой внимательный человек, несомненно, сделал бы вывод о том, что эта парочка — больше, чем просто друзья.

Так оно и было, молодой аспирант Игорь Викторович Ранчис и студентка-первокурсница Ольга познакомились еще полгода назад на дискотеке в студенческом городке и сразу же... нет, не переспали. Просто сразу же понравились друг другу, а переспали уже позже, месяца через три, что для торопливой питерской молодежи в общем-то нехарактерно. Тем не менее именно так все и произошло — чувства молодых развивались по нынешним понятиям медленно, зато по-старинному основательно и надежно. Несмотря на весь свой внешний лоск, Игорь Викторович вовсе не был вертопрахом, наоборот, считался человеком вдумчивым и серьезным. Аспирант на кафедре всеобщей истории РГПУ — куда уж серьезней! С виду, конечно, такого не скажешь — вполне себе обычный молодой человек двадцати трех лет от роду. Высокий блондин с серо-стальным взглядом. Модная аккуратная стрижка, холеные усики, небольшая «шкиперская» бородка, тоже холеная, на левой щеке — небольшая родинка. Игорь был из тех молодых людей, таких «красавчиков», что

обычно очень нравятся женщинам. Что и говорить, девчонки ему прямо на шею вешались: красивый, стройный, к тому же — из очень небедной семьи, что тоже немаловажно. Правда, вот — умный. Слишком умный — и это девчонок пугало! Ну, зачем же разговаривать с ними о «Теории полей», о Питириме Сорокине или о книге Лебона «Психология толпы»? Ладно еще — со студентками-гуманитариями, но с со всеми прочими — увольте! Наверное, во многом именно поэтому Игорь и не был до сих пор женат, кто знает?

Однако, похоже, все шло к свадьбе. Новая пассия Игоря, Ольга — Оленька или Олик, как он ее называл, — характер имела серьезный, к тому же была чудо как хороша. Тонкая аристократически хрупкая фигура, столь же аристократически-светлая кожа, лишь слегка подрумяненная холодным петербургским солнышком. Чистое, слегка вытянутое, личико с тонкими нежными чертами обрамляли светло-русые локоны, с неописуемым волшебством гармонирующие с ослепительно-синим взором и легким румянцем на щеках девушки. Длинные волосы тепловато-мягкого оттенка добавляли к образу Ольги некую изысканную таинственность, женственность и нежность.

Происхождения, к слову сказать, Олик была самого что ни на есть простого: всю жизнь прожила с мамой в однокомнатной квартирке в Ивангороде. Мама работала в турфирме, заодно приторговывая продуктами из расположенной здесь же, за речкой, эстонской Нарвы. Не бог весть что, но на жизнь денег, в общем, хватало. В том числе — и на учебу Ольги.

— А я «Социологию» на пятерку сдала, вот! — закинув ногу на ногу, Ольга показала Игорю язык и весело засмеялась.

— Что, прямо так на экзамен и пришла? В спортках? — улыбнулся молодой человек.

— Да нет же! Экзамен-то еще с утра был.

— Что же сразу не позвонила, не похвасталась?

— Я звонила, — девчонка сверкнула глазами и тут же нахмурилась. — Несколько раз звонила, чес-слово. А вот ты — отключен был.

— Так у нас заседание кафедры было... Ой! Забыл ведь включить — вот безголовый.

Игорь быстро вытащил смартфон и, включив звук, глянул на экран:

— И впрямь звонила.

— Когда я тебя обманывала? — шутливо обиделась Ольга. — Не доверяешь, да?

— Почему же? Доверяю.

— Не доверяешь, не доверяешь, не доверяешь!

— Да нет же, нет!

— Чес-слово?

— Чес-слово! Честное пионерское, как говорили в древние времена.

Девушка снова расхохоталась:

— Ой, пионер нашелся. Ну... и где мы мою пятерку отпразднуем? Я, между прочим, самому Венгерову сдавала. Никто к нему не шел, потому и быстро.

— Чего? — молодой человек искренне изумился, подняв кверху брови. — Это что же, Аристарх Никодимыч тебе пятерку поставил?

— Поставил, поставил!

— Ну, дела-а-а!

— И еще сказал, что я — подающая надежды! Да-да. Именно так и сказал.

Они сидели в скверике перед главным корпусом РГПУ, как раз напротив памятника Ушинскому, в окружении цветов и акаций. Место было людное, поэтому с поцелуями осторожничали, к тому же сам Ушинский (памятник) вроде как косился в их сторону, посматривал явно этак неодобрительно.

— Знаешь, где отпразднуем? — Игорь погладил девушку по коленке. — Ко мне поедем. Теть Лена

с утра еще подалась по делам в Москву, сказала, что дня на три. Сестренки на Карельском перешейке. Отдыхают. То ли в Светогорске, то ли в Оленегорске — где-то там.

— Там Финляндия уже совсем рядом.

— Угу. У Лаумы однокурсники оттуда. Они и пригласили.

— Поня-атно. — Ольга томно погладила губы языком. Вообще-то она от подобных жестов воздерживалась... вот разве что для Игоря.

— Значит, ты у нас нынче — совсем одинокий мужчина?

— Савсэм, савсэм! На ужин приготовлю что-нибудь вкусенькое. А вино я уже купил. Красное сухое бордо, как ты любишь.

— Так что же мы здесь сидим? — встрепелась девушка. — Едем!

Машина — ослепительно-белый «Ситроен-ДС5» — была припаркована рядом, в соседнем университетском дворике. Недавний подарок «тети Лены», по-простому говоря — мачехи. Мать Игоря умерла при родах, не дожив до своего восемнадцатилетия три дня. Отец сильно горевал, но через год женился. Сначала на одной женщине, с которой не ужился долго, потом — на другой. На ослепительной красавице брюнетке Елене, Елене Васильевне, женщине с деньгами и связями. После трагической гибели отца — утонул на рыбалке — «тетя Лена», как называл мачеху Игорь, имея на руках двух несовершеннолетних дочерей и пасынка-студента, умудрилась выйти замуж за человека небедного. Потом развелась и открыла свой «Модный дом», делами которого по мере сил нынче занимался и сам Игорь, и его младшие сестры. Такая вот семейная история. Ничего особенного... только слишком уж много смертей.

Вывернули на Гороховую, свернули. В пробке у Загородного простояли не зря — целовались. Не в полную силу, конечно — за дорогой следить надо, — но...

Но когда поднялись в квартиру, ждать уже не было никаких сил! Без слов поцеловав Ольгу в губы, Игорь снял с нее кофточку, а затем и футболку, покрыл жаркими поцелуями, поласкал плечики, нежную шейку, пупок... Потом расстегнул бюстгальтер, накрыл ртом нежно-розовый трепетный сосочек, поласкал языком, погладил, осторожно зажал между пальцами... а затем расстегнул на возлюбленной шортики, протиснул ладонь к лону, чувствуя настоящий пожар!

Ольга прикрыла глаза и, тихонько застонав, закусила губу... Игорь быстро сбросил с себя всю одежду, подхватил полуголую девушку на руки, возложил на тахту. Стащил, наконец, шорты, а за ними — и кружевные красные трусики, припав языком к нежному естеству...

Оленька застонала еще громче, выгнулась, словно пантера перед прыжком... Игорь накрыл ее тело своим, нежно целуя в губы...

Наверное, соседи слышали громкие стоны... Плевать! Пусть так... пусть будет так хорошо... так славно... так...

— Телефон, — отдышавшись, Ольга раскинулась на тахте, вытянув ноги. — Давно звонит, кстати.

— Блин, нашли время... Впрочем...

Игорь, как был, голый, соскочил с ложа, подобрал валявшийся на полу пиджак, глянул на смартфон:

— Лайма... Ну, как там у вас, сестренка? Что?! Что?! Нет... не может быть... как же так... Слушай, ты держись там, а я сейчас... сейчас буду, да... скоро...

— Что-то случилось? — Оленька приподнялась на постели, с тревогой взглянув на посеревшее лицо возлюбленного. — Что-то плохое, Игорь?

— Лаума погибла, — тихо пробормотал молодой человек. — Упала с какой-то скалы.

* * *

Девчонок так назвал отец, Виктор, а точнее — Викторас — Ранчис. Давно обрусевший и родившийся в «коренной петербургской семье», он никогда не забывал свои литовские корни, хотя иногда признавался, что многое хотел бы забыть. Как бы то ни было, а дочерей он назвал по-литовски. Старшую — Лаума, что значило «небесная колдунья», младшую — Лайма — богиня удачи и судьбы.

На кладбище было малоллюдно. Тетя Лена не хотела видеть никого, кроме самых близких. Правда, пришли студенты — подружки и друзья Лаумы. Все плакали и искренне жалели погибшую. Едва зарыли могилу, пошел дождь, совсем не по-летнему холодный, промозглый и нудный. В северной столице так бывает часто. Бывает и снег в июне пойдет — по-всякому, смотря какое лето. Дождь нынче был в тему. словно вся природа скорбела, плакала.

Поминки устроили в ресторане на Московском, опять же — для близких, но позвали и студентов. Пусть. Игорь с Ольгой подвезли троих, по пути разговаривали. Точнее, говорил один Игорь — расспрашивал о гибели сестры.

— Понимаете, там змея показалась, вот Лаума и... — сопел юный парнишка в свитере и кедах.

— А потом выяснилось, что и не змея это была вовсе, а уж! — подал голос второй студент — белобрысый увалень в синей кургузой курточке и дорогих джинсах. — Да-да, уж, не только я видел. Длинный такой, толстый... но две желтые точки на голове имелись. Я заметил, хоть он и быстро уполз.

Уж...

Что-то в семье было связано с ужами, какое-то предание, Игорь его слышал в детстве, но точно

вспомнить не мог. Но что-то такое было — точно. Он спросил тетю Лену, не на поминках, а позже, дня через три.

— Уж? — Елена Васильевна непонимающе моргнула. Черное траурное платье ей очень шло. Сама — брюнетка, плюс черная одежда и тоненькая ниточка серебра на шее. Этакая знатная испанская дама эпохи короля Филиппа Второго. — Уж... Нет, не помню... Хотя...

Неожиданно для себя Игорю вдруг стало неприятно. Слишком уж ухоженно и аристократично выглядела мачеха. Да — осунувшееся лицо, да — глаза заплаканы, но — тщательно наложенный макияж, опять же платье. Впрочем, Елена часто повторяла, что дама должна всегда оставаться дамой. Держать марку, как она выражалась. Вот и держала, не позволяя себе целиком сорваться в горе. Надо было жить... хотя бы ради Лаймы, ее-то нужно было еще поднимать на ноги, шестнадцать лет всего — школьница.

— Залтис! Да, залтис... Виктор как-то рассказывал. Залтис — по-литовски уж. Не простой уж — священный. Ну, знаешь, из древних языческих времен. Таким ужам, кажется, приносили жертвы.

— Жертвы? — молодой человек покусал губу. — Да, да, теперь и я вспомнил. Отец говорил как-то... когда был немного выпивши. Только не про жертвы... Этот залтис — уж — какое-то знамение, что ли... Не дай бог увидеть его во сне! Во сне... Лауме он вовсе не во сне привиделся.

— Бывают же совпадения, — Елена Васильевна качнула головой и, вытащив сигарету из брошенной на стол пачки, закурила.

Игорь поморщился — сам он недавно бросил, но... Но сейчас не выдержал, закурил, пусть даже и дамские. Настроение было такое... дерьмовое.

— А где Оля твоя? — неожиданно спросила мачеха.